

МОСКВА В ПОЭЗИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Поэзия М. Цветаевой отличается уникальностью, нестандартностью, яркостью ассоциирования и смыслопорождения. Поэт по-новому интерпретирует сущность окружающих нас явлений и реалий, устанавливает парадоксальные ассоциативные связи между ними, ведь в создаваемом им поэтическом мире нет места банальности и случайности. Поэзия М. Цветаевой гармонически сочетает традиционный поэтический язык с языком новых форм, реализуя тем самым потенциальные глубинные возможности русской языковой системы. Для поэта характерна эмоциональная напряженность и ассоциативная многоплановость в реализации коннотативных значений, которые присущи стихам о Москве.

Московская тема появляется уже в ранних произведениях Цветаевой как воплощение гармонии и рисуется прозрачными, светлыми акварельными красками. Город присутствует и в снах героини, и в ее мечтах. Это мы можем увидеть в стихотворении. «Домики старой Москвы», где появляется светлый образ родного любимого города. Поэт запечатлел уходящую эпоху, которая тихо утрачивает свои приметы. Происходит замена старого новым. Эпитеты «вековые ворота», «деревянный забор», «потолки расписные», «домики с знаком породы» – коннотируют признаки терпкого, чуть горьковатого запаха старины, родной и памятной, при этом не утратившей еще своей красоты и привлекательности. Характерен для этого стихотворения особый стиль, аллегорическое изображение московского говора: ладного, слегка напевного. Это передается не только оригинальным размером стихотворения, часто встречающимися диалектизмами, чисто московскими словами и выражениями: *мановенье жезла, клавесин, вековые ворота, домовладельцы и т.д.* М. Цветаева эмоционально и отчетливо передает отношение к Москве через звучание слова, тем самым, заставляя читателя не остаться равнодушным и почувствовать красоту и силу своего города. Для поэта Москва – часть ее души, огромный храм, который исцеляет любой душевный недуг. Свое неприятие нового облика Москвы Цветаева выражает противопоставлением милым домикам грузных шестиэтажных «уродов». Это грубое слово с оттенками отрицательной коннотации передает всю силу авторского чувства. Гибель старой Москвы для поэта – утрата связи с дорогим сердцу прошлым.

Кратковременная разлука с родным городом заставила М. Цветаеву взглянуть на него новыми глазами, как бы со стороны, что послужило импульсом для создания одного из самых известных циклов – «Стихи о Москве», в котором город является сердцем родины: — *Москва! — Какой огромный / Странноприимный дом! // Всяк на Руси — бездомный. // Мы все к тебе придем.*

Цикл «Стихи о Москве» создан в традициях русской православной культуры, и образ города воспринимается как символ национальной святыни. Перестав быть официальной столицей, Москва продолжает восприниматься лирической героиней как сердце родной земли, чему немало способствуют расположенные здесь православные храмы с куполами, напоминающие свечи, и иконы, ассоциирующиеся со светлыми, чистыми, прекрасными образами.

Москва Цветаевой дается через множество разнородных проявлений. Цветаевская Москва и в архитектуре, и в православии, и в особом московском укладе жизни, и в социальной стратификации (от царя до каторжных клейм). И над всем этим возвышается Москва библиографическая, «моя Москва», знакомая М. Цветаевой до мельчайших подробностей. Москва для Цветаевой – это прежде всего её храмы, соборы, церкви с их куполами и колоколами. Эти образы и составляют образ Москвы в данном цикле. Наиболее ярким среди них является образ **«сорока сороков церквей»**: *«И все сорок – чти - сороков церквей»* (1), *«По церквочке - все сорок сороков»* (2), *«И целых сорок сороков церквей смеются над гордынею царей!»* (5), *«Всем счётом: сорок сороков»* (7). Не менее частотным является образ **колоколов, колокольного звона**: *«Мне же - вольный сон, колокольный звон»* (1), *«Черённые возблещут купола, бессонные взгремят колокола»* (2), *«Но выше вас, цари: колокола»* (5), *«Над синевою подмосковных рощ накрапывает колокольный дождь»* (6), *«Спорили сотни колоколов»* (9). Одним из важнейших для Цветаевой, знавшей историю своего города и мифологизирующей его в своей поэзии, является и образ **семи холмов**, на которых, по преданию, была заложена Москва: *«Исходи пешком - молодым шажком! - всё привольное семихолмие»* (1), *«Семь холмов - как семь колоколов, на семи колоколах - колокольни»* (7). Это не безликие церкви и колокольни, в пространстве Москвы, это история, развитие города с его «святыми» местами.

Уже первое стихотворение цикла задает динамичность, напевность и музыкальность произведению. В этом стихотворении тесно переплелась тема Москвы как неотъемлемой части души русского человека и завет дочери тоже любить этот город, а потом

подарить его своей дочери: *В дивном граде сем, / В мирном граде сем, / Где и мертвой – мне / Будет радостно, – / Царевать тебе, горевать тебе, / Принимать венец, / О мой первенец!* Благодаря особому строению стихотворения, использованию фольклорных конструкций, повторов, архаизмов, а также обилию старославянских полногласий – -оро-, -оло-, -ере-, Москва примеряет на себя торжественный, фольклорный и народный наряды: *в дивном граде сем, сорок сороков, деревцо, молодым, черед, исходи и т.д.* Все это подчеркивает древнюю историю города, которая корнями уходит вглубь. Здесь связывается воедино и прошлое, и настоящее, и будущее Москвы. Подбор эпитетов и постоянное использование инверсии указывают на торжественность, эпичность описания Москвы, тем самым усиливая коннотативный смысл цикла: *зори ранние, ... нерукотворный град / Прими, мой странный, мой прекрасный брат; древний, вдохновенный друг, червонные купола, багряные облака, дивные силы, благообразия прекрасный плат, червонный день, первый звон.* Аналогично использование стилистически окрашенных глаголов: *возношу тебя, бремя лучшее ... Червонные возблещут купола, / Бессонные взгремят колокола... исполнен дивных сил... Настанет день – печальный, говорят! / Отцарствуют, оплачут, отгорят...* Глагол *настанет* получает смысловое коннотативное усиление за счет нанизывания глаголов с префиксом *от-*. Объединенные синонимическим рядом, глаголы *отцарствуют, оплачут, отгорят*, воспринимаются как скандирование основного значения, вводя в психологическое состояние небытия, связанного с ощущениями смерти как 'результат длительного действия'. Будущее совершенное, заключенное в префиксе, становится символическим выражением трагического конца.

В цикле Цветаева разрабатывает темы, являющие собой последовательные стадии жизни человека и города: **преемственности поколений**: *Будет твой черед:/ Тоже – дочери/ Передашь Москву/ С нежной горечью* (1); *Из рук моих нерукотворный град / Прими, мой странный, мой прекрасный брат, Прими, мой древний, вдохновенный друг* (2), **рождения /перерождения** (в данном случае мы имеем в виду «родиться» в значении «появиться на свет», «дать что-то новое», и «переродиться» в смысле «обновиться», «преобразиться», «стать иным»): *Царевать тебе, горевать тебе,/ Принимать венец,/ О мой первенец!* (1); *И встанешь ты, исполнен дивных сил* (2); *В колокольный я, во червонный день/ Иоанна родилась Богослова* (7); **смерти**: *Мне же вольный сон, колокольный звон, / Зори ранние –/ На Ваганькове* (1); *Настанет день – печальный, говорят!* (4) полностью

посвящено этой теме, *Поп, крепче позаткни мне рот/ Колокольной землей московскою* (7); **странничества**, где присутствует коннотативное значение духовного поиска, начинающегося с самого сердца Москвы: *Потянется, растерянно крестясь,/ Паломничество по дорожке черной, Поеду – я, и побредете – вы* (4), *Бредут слепцы калужскою дорогой, Перекрещусь, и тихо тронусь в путь* (6), *Провожай же меня весь московский сброд* (7), *Мы все к тебе придем* (8).

Один из важнейших образов цикла – образ дома проникнут коннотативным оттенком теплоты, душевности. Он как бы связывает воедино все остальные образы, стягивая их вокруг себя. Москва – *огромный странноприимный дом*, похожий на «дом-пряник», в котором родилась героиня. Мотив бездомности теснейшим образом связан с темой странничества и смерти: во втором стихотворении город дарится «*странному брату*», «*чужеземному гостю*» (эпитет «*странный*» семантически связан со «*странником*», что придает городу сказочность, старинность и необычность, звучат мотивы паломничества и жизнеутверждения). В шестом стихотворении героиня заглядывает в свое возможное будущее, где устав от друзей, врагов, «*и от уступчивости речи русскою*» она отправляется в путь по калужской дороге, вслед за слепцами. В седьмом – лирическая героиня вспоминает дом, который она любила и с которым пришлось расстаться, потому что она умерла, а ее провожает в путь «*весь московский сброд*». В восьмом стихотворении Москва, наконец, напрямую называется «*огромным домом*», который может вобрать в себя всех бездомных на Руси. Динамичная смена образов дает читателю возможность почувствовать все эмоционально-экспрессивные оттенки этого древнего святого города. Нельзя не согласиться с утверждением С.А. Губанова, «что в поэзии Марины Цветаевой два дома – дом земной и дом небесный», указывает, что «через данный концепт поэт определяет не только своё пространство, но и свой духовный мир, собственную сущность. Пространство дома расширяется у него до масштабов Москвы и страны» [1, с.203]

Последнее стихотворение цикла подводит итог, соединяет все линии в единое целое, позволяет увидеть глубинный смысл. Лирическая героиня, говоря о своём рождении, воспринимает это событие как знак, символ: она неспроста родилась именно в Москве, именно в день Иоанна Богослова, именно тогда, когда поспела рябина. Всё это предопределило её судьбу и характер: она сама и её поэзия выросли на этой благодатной почве, впитали в себя и христианское мироощущение, и любовь к родному городу, родной земле, людям –

близким и далёким, – и широту и страстность русской души, и готовность в один момент отказаться от всех благ и пойти на духовный подвиг. Такой видит Цветаева Москву, и такой является она сама. Лирическое «Я» Цветаевой является такой же неотъемлемой частью московского пространства, как и Москва является неотъемлемой частью героини. Контекст позволяет увидеть истоки возникновения образа рябины в поэзии Цветаевой: он связан с её родным домом, городом, днём рождения, то есть с тем пространственно-временным комплексом, который повлиял на её мировоззрение.

Этот цикл можно назвать величественной песней Москве с ее колоколами. В нем город предстает как соединение всех путей, сердце Родины. Более глубокий анализ позволяет интерпретировать цикл «Стихи о Москве» как произведение о состоянии отвергнутой любимым женщины, которая страдает и узелена. В основе эстетического восприятия текста параллельно проходят образы отвергнутой царем Петром Москвы и отвергнутой женщины, царя Петра и царя-властителя души и сердца лирической героини.

Несмотря на ощущение ненужности себя, своей жизни и стихов этому городу, переполнявших поэта, тем не менее всем своим творчеством, в том числе – прекрасными стихами, посвященными Москве, Цветаева навсегда вошла в историю этого города – своей «рожденной Москвы».

Литература

1. Губанов, С.А. Эпитет в творчестве М. И. Цветаевой: семантический и структурный аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С.А. Губанов. – Самара, 2009. – 234 с.